

ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК РЕСУРС ВЫЖИВАНИЯ

Соловьева С.Л.

Соловьева Светлана Леонидовна

доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой психологии и педагогики; федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Северо-Западный государственный медицинский университет им. И.И. Мечникова» Министерства здравоохранения Российской Федерации, ул. Кирочная, 41, Санкт-Петербург, 191015, Россия. Тел.: 8 (812) 543-39-90.

E-mail: S-Solovieva@ya.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию представлений о феномене идентичности человека в истории науки, о психологических механизмах сохранения идентичности при воздействии социальных стрессов, возрастных кризисов, микротравм повседневной жизни. Идентичность проявляется в чувстве психической адекватности и владении личностью собственным «Я» независимо от ситуации; в способности личности к эффективному решению задач, возникающих на каждом этапе ее развития. Основная функция идентичности при этом состоит в обеспечении приспособления к новым социальным условиям, сохранении определенности и целостности. Понятие «идентичность» носит интегративный характер, объединяя в себе индивидуальное и социальное начало и представляя собой явление, которое вытекает из диалектической взаимосвязи общества и индивида, характеризуя качество этой взаимосвязи. Человек вступает в многочисленные социальные связи и исполняет большое количество социальных ролей, которые отражаются в поведении, проявлении эмоций и по-разному влияют на социальное взаимодействие. Социальные роли, включая в себя сформированные идентичности, постепенно конструируются в структуру интегральной идентичности, которая представляет собой иерархическую последовательность различных интериоризированных ролей. Идентичность как явление сознания переводит рационально-идеологические и институциональные формы задания порядка на язык повседневности и, наоборот, является отражением поведения детерминированных находением в них субъектов. Сохранение идентичности предполагает способность к эмоциональному резонансу с другими людьми при относительной непроницаемости собственных личностных границ. В те или иные периоды жизни частичная идентификация со «значимыми другими» необходима для успешной интеграции в социальные процессы, но растворение собственной личности в этих других разрушает идентичность, формируя предпосылки для психических нарушений. Рассматриваются кризисы идентичности и последствия их неудачного преодоления. Нарушения идентичности обнаруживают себя в таких патопсихологических и психопатологических симптомах, как апатия, тоска, злоба, отчуждение, тревога, беспомощность и безнадежность. Формулируются представления о «диффузной идентичности» как предпосылке широкого спектра нарушений психического здоровья. Анализируется опыт преодоления экстремальных условий существования: войн, пребывания в концлагере, тюремного заключения, пыток, насилия. Приводятся данные о последствиях нарушений идентичности для целостной психической деятельности пациентов психиатрической клиники. Главными ресурсами адаптации являются персональные сети взаимодействия, поскольку только близкие вызывают доверие и чувство защищенности, позволяя субъекту сохранять идентичность в разных социальных ситуациях. Обосновывается представление об идентичности как о ресурсе выживания.

Ключевые слова: идентичность; сохранение идентичности; нарушения идентичности; социальная адаптация.

УДК 159.923

Библиографическая ссылка

Соловьева С.Л. Идентичность как ресурс выживания // Медицинская психология в России. – 2018. – Т. 10, № 1. – С. 5. doi: 10.24411/2219-8245-2018-11050

Поступила в редакцию: 10.02.2018 Прошла рецензирование: 02.03.2018 Опубликовано: 21.03.2018

«Как живые существа, мы наделены потребностями, которые могут быть удовлетворены только извне. Мы должны жить в обществе и играть в нем определенную роль... Мы должны жить среди людей, подчиняясь им и одновременно сохраняя свою идентичность, отдавая и получая во взаимном общении. Мы должны жить любя и ненавидя — иначе одиночество опустошает и уничтожает нас. Мы должны ... постоянно творить заново...»

К. Ясперс

Обращение к проблеме идентичности с самого начала было связано с формированием гуманистической парадигмы в науке, обозначившей проблемы свободы и ответственности, осмысленности жизни [15], с усилением интереса к проблеме выбора во всех сферах жизненного пространства, самовыражения, обретения «сущностного Я». В качестве самостоятельной проблемы идентичность рассматривается в трудах представителей классической философии. Широкое распространение термина «идентичность» и его введение в научный обиход принадлежит Э. Эриксону, который определил идентичность как внутреннюю «непрерывность самопереживания индивида», «длящееся внутренне равенство с собой», важнейшую характеристику целостности личности, интеграцию переживаний человеком своей тождественности с самим собой и с социальными группами. Э. Эриксон выделяет три основных аспекта идентичности: чувство идентичности, процесс формирования идентичности и идентичность как результат. Идентичность — такая тождественность человека самому себе, которая открывается через личный опыт и знания об окружающем мире. Понятие идентичности, по Эриксону, обозначает усвоенный и личностно принимаемый образ себя во всем богатстве отношений личности к окружающему миру; чувство адекватности и стабильного владения личностью собственным «Я» независимо от изменений «Я» и ситуации; способность личности к полноценному решению задач, возникающих перед ней на каждом этапе ее развития.

Идентичность определяется и как результат развития личности, и как психологический механизм формирования чувства тождественности человека самому себе, ощущения целостности в изменяющихся социальных условиях. Согласно Д.В. Колесову, идентичность — переживание человеком своей принадлежности к чему-либо (принципу, делу, идее) или своего единения с кем-либо (другим индивидом, самим собой, группой). Этот феномен возникает в рамках глобальной проблематики существования человека, который становится «вполне человеком», когда осознает свою идентичность. Известный американский футуролог А. Тоффлер писал в этой связи еще в 80-м году: «Миллионы индивидов напряженно ищут собственную идентичность или некоторую магическую терапию, облегчающую воссоединение их личности, чтобы победить хаос, внутреннюю энтропию, сформировать собственный порядок» [45].

Представители разных научных дисциплин вкладывают в понятие «идентичность» приблизительно сходное содержание. В переводе с латинского идентичность — *identicus* — означает «тождественный», «одинаковый», с английского *identity* переводят как «тождественность», дословно — «идентичность», «подлинность». Во французском *identité* — «тождество», «совпадение»; *identique* — «идентичный», «тождественный», «одинаковый», а также — «равнозначный», «аналогичный»; *identifier* означает «идентифицировать», «отождествлять» и, кроме того, «опознавать». Согласно определению А. Турена, «идентичность — осознанное самоопределение социального субъекта» [46]. Идентичность в психологии представляется, с одной стороны, как результат работы индивидуальных, внутренних и, с другой стороны, социальных, внешних процессов. Идентичность является частью личности индивида, но в то же время испытывает на себе влияние общественной системы. Соответственно, понятие «идентичность» носит интегративный характер, объединяя в себе индивидуальное и социальное начало и представляя собой явление, которое вытекает из диалектической взаимосвязи общества и индивида и характеризует качество этой взаимосвязи.

Идентичность, определяемая как ощущение субъектом соответствия собственной личности, дополняется, по мнению ряда авторов, феноменом самоидентичности как элемента творческого субъективного осмысления идентичности, что позволяет сохранить уникальность и неповторимость отдельной личности [41]. Какая-то часть жизненной и ментальной реальности человека является устойчивой, неотъемлемой, фиксированной и осознаваемой (пол, возраст, тело, этническая принадлежность, язык, профессия). Эта неотъемлемая инварианта обозначается как «Я». Другая часть жизненной и ментальной реальности человека является вариативной, подлежащей обмену в процессе повседневного бытия (идеи, чувства, отношения, вещи и др.). Она продуцируется первой частью, выступает как её производная и может быть обозначена поэтому как «Моё». Тогда идентичность человека структурно представляет собой совокупность «Я» + «Моё». Для каждого субъекта составляющие этой совокупности индивидуальны, идентичность своеобразна, уникальна и неповторима.

Современное понимание идентичности определяет ключевые теоретико-методологические и этические основы любого психологического вмешательства: безусловное и безоценочное принятие личности пациента, основанное на уважении к человеческой природе, диктует отказ от каких-либо попыток эту личность изменить, в частности, в соответствии с представлениями специалиста, оказывающего помощь. Принятие идентичности клиента как наивысшей ценности накладывает соответствующие ограничения не только на оценочные суждения в отношении этой идентичности, но также и на возможности сравнения: сравнивать между собой двух разных людей — все равно что, образно говоря, сравнивать километры и килограммы. Уникальность человеческой природы не дает принципиальных оснований для сравнений. Субъективную реальность человека можно только принять.

Функции идентичности. Обобщая сложившиеся представления об идентичности, Н.Л. Иванова выделяет ее основные функции: 1) ориентационная (поиск своего места в мире); ответ на вопросы: «Каков мир вокруг меня?», «Где Я в этом мире?»; 2) структурная (дифференциация «Я» от «не-Я», сохранение определенности, соотношение детерминизма и неопределенности), ответ на вопросы: «Кто Я?», «Кто свой, кто чужой?»; 3) целевая (целеполагание, контролирующее воздействие на личность путем регулирования мотивации, ценностей, поведенческих реакций, построение модели поведения, адаптации к новым условиям); ответ на вопросы: «Что и как я делаю?», «Какой мне сделать выбор?»; 4) экзистенциальная (осмысление самого себя, сохранение своей сущности; ответ на вопросы: «Какой смысл для меня имеет групповое членство?», «В чем моя сущность?» [18]. Основная функция идентичности состоит в обеспечении приспособления к новым социальным условиям, сохранении определенности и целостности «Я» [17].

Способность сохранять идентичность рассматривается в качестве необходимого условия успешной социальной адаптации. Каждый человек периодически решает вопрос о том, как включиться в новую социальную ситуацию и при этом не «потерять лицо», свою личностную целостность и стабильность. Когда говорят о выживании, сохранении целостности (как индивида, личности, субъекта деятельности и индивидуальности, по Б.Г. Ананьеву), то жизнь человека рассматривается не только как цепь нескончаемых видов деятельности, а более широко — как бытие, существование вообще. С другой стороны, бытие человека как субъекта жизни предполагает выход его за собственные пределы, способность взглянуть на себя глазами других людей, с которыми поддерживается диалог (как внешний, так и внутренний). Идентичность — динамическое образование, претерпевающее изменения на протяжении всей жизни человека. Она обеспечивает возможность видеть свою жизнь в аспекте ее непрерывности, органично переплетая прошлое и будущее и включая их в переживания настоящего, адаптируясь к изменениям жизненной ситуации.

Идентичность в каждый момент времени характеризуется достигнутым статусом; статус идентичности выступает в качестве основного признака для прогнозирования успешности социальной адаптации. В статусной модели Дж. Марсиа, например, выделяются четыре состояния (статуса) идентичности. Для построения модели при этом используются два параметра: 1) наличие или отсутствие кризиса — состояния поиска идентичности; 2) наличие или отсутствие единиц идентичности — лично значимых целей, ценностей, убеждений [3]. На практике для исследования идентичности Дж. Марсиа выделил следующие ее статусы.

Достигнутая идентичность. Этим статусом обладает человек, прошедший период кризиса и самоисследований и сформировавший определенную совокупность лично значимых для него целей, ценностей и убеждений. Такой человек знает, кто он и чего он хочет, и соответственно структурирует свою жизнь. Таким людям свойственно чувство доверия, стабильности, оптимизм в отношении будущего. Осознание трудностей не уменьшает стремления придерживаться избранного направления. Свои цели, ценности и убеждения такой человек переживает как лично значимые и обеспечивающие ему чувство направленности и осмысленности жизни.

Мораторий. Этот термин вслед за Э. Эриксоном Дж. Марсиа использует по отношению к человеку, находящемуся в состоянии кризиса идентичности и активно пытающемуся разрешить его, пробуя различные варианты. Такой человек постоянно находится в состоянии поиска информации, полезной для разрешения кризиса (чтение литературы о различных возможностях, беседы с друзьями, родителями, реальное экспериментирование со стилями жизни). На ранних стадиях такого поиска человек переживает чувства радостного ожидания, любопытства.

Преждевременная идентичность. Этот статус приписывается человеку, который никогда не переживал состояния кризиса идентичности, но, тем не менее, обладает определенным набором целей, ценностей и убеждений. Содержание и сила этих элементов идентичности могут быть такими же, как у достигших идентичности, различен же процесс их формирования. У людей с преждевременной идентичностью элементы формируются относительно в жизни рано и не в результате самостоятельного поиска и выбора, а в основном вследствие идентификации с родителями или другими значимыми людьми. Принятые таким образом цели, ценности и убеждения могут быть сходными с родительскими или отражать ожидания родителей.

Диффузная идентичность. Такое состояние идентичности характерно для людей, которые не имеют прочных целей, ценностей и убеждений и не пытаются активно сформировать их. Они или никогда не находились в состоянии кризиса идентичности, или оказались неспособными решить возникшие проблемы. При отсутствии ясного чувства идентичности люди переживают ряд негативных состояний, включая пессимизм, апатию, тоску, ненаправленную злобу, отчуждение, тревогу, чувство беспомощности и безнадежности [Там же]. Понятие диффузной идентичности применяется врачами при описании различных форм психической патологии.

Идентичность и адаптация. Термин «идентификация личности» обозначает механизм, работа которого основана на существовании эмоциональной связи индивида с другими людьми, прежде всего его родителями, приводящий к уподоблению, чаще всего неосознанному, этим значимым другим. Ориентация на другого человека как на образец существенно повышает показатели социального научения и социальной адаптации. За счет идентификации у ребенка происходит формирование поведенческих стереотипов, образующих черты личности, определение ценностных ориентаций и полоролевой идентичности. Идентичность не дана человеку от рождения, она, скорее, задана, ее развитие поддается обсуждению не в терминах «формирования», а терминах «достижения» и «становления». Как правило, исследователи признают первичность социальной идентичности и ее опосредующее влияние на формирование личностной

идентичности. С другой стороны, идентификация с другим без сохранения определенной дистанции означала бы растворение в другом, утрату собственного «Я». Гипертрофия «отчуждения», напротив, означает неспособность к эмоциональной близости, предполагающей сочувствие (буквально — «совместное чувство»).

Сохранение идентичности предполагает сохранение эмоционального резонанса с другими людьми при относительной непроницаемости собственных личностных границ; в противном случае человек превращается в своеобразный инструмент для обслуживания окружающих или в декорацию, на фоне которой происходят события жизни других людей, а он отказывается, таким образом, от реализации собственного жизненного пути. В те или иные периоды жизни частичная идентификация со «значимыми другими» необходима для успешной интеграции в социальные процессы, но растворение собственной личности в этих других разрушает идентичность, формируя предпосылки для психических нарушений.

Исследованием идентичности — ее содержанием, функциями, механизмом формирования — занимаются философы, психологи, социологи, антропологи и политологи [7].

Проблема идентичности — проблема междисциплинарная, но наиболее ярко она проявляется в клинике психиатрических болезней.

Идентичность как фактор социальной адаптации. Идентичность — показатель зрелой личности, истоки которой скрыты на предшествующих стадиях онтогенеза. Обоснование концепта идентичности как ключевого фактора социальной адаптации принадлежит Э. Эриксону, который определяет понятие идентичности как чувство органической принадлежности индивида к его исторической эпохе и типу межличностного взаимодействия, свойственному данной эпохе. Идентичность личности предполагает, следовательно, гармонию присущих ей идей, образов, ценностей и поступков с доминирующим в данный исторический период социально-психологическим образом человека, принятие ею социального бытия как своего [12, с. 203–204]. По мнению Э. Эриксона, в природе человека изначально заложена потребность в психосоциальной идентичности (т.е. «самотождественности», «верности» самому себе) [Там же]. В то же время достижение такой самотождественности (важнейшей характеристики целостности личности и ее зрелости) осуществляется в процессе идентификации человека с различными социальными группами — семьей, профессиональным цехом, этнокультурной общностью, государством. Э. Эриксон связал идентичность с переживанием индивидом себя как целого и ввел понятие «кризиса идентичности», который сопровождает человека на каждой стадии его культурного становления [Там же]. Сам Э. Эриксон считал родоначальником понятия «идентичность» У. Джемса [42]. Хотя Джемс и не употреблял этого термина и использовал вместо него слово «характер», именно он впервые детально описал острое и захватывающее ощущение тождества и целостности, которое в современной психологии именуется «идентичностью», задавшись знаменитым вопросом: «Может ли человек, встав утром с кровати, с уверенностью утверждать, что он тот же человек, который вчера вечером ложился спать?».

Важное значение в **выживании** человека как личности имеет его так называемая «мотивация на самосохранение». М.Ш. Магомед-Эминов четко разделяет самосохранение индивида (биология) и самосохранение личности (самоуважение, честь и т.п.): «самосохранение... есть «само — сохранение», сохранение самого себя, своей идентичности» [24]. Так понимаемое самосохранение «включает в себя побуждения, определяемые не соматическим дефицитом, а системой интересов Я, структурой личности человека, его характером» [Там же]. Финский ученый и общественный деятель П. Кууси связывает выживание человека с необходимостью решения масштабных экологических проблем, а также «защитой человека от самого себя» — от последствий научно-технического прогресса. Словацкий исследователь В. Зикмунд считает, что повсеместное повышение технического уровня вынуждает человека постоянно

интенсифицировать все виды своей деятельности, обрушивает на него множество различных раздражителей и, прежде всего, — информации, которую необходимо усваивать, а тем самым заставляет его приспособляться к новым обстоятельствам. Новая реальность предъявляет все более высокие требования к нервной и психической устойчивости человека.

Наиболее серьезными **факторами риска для выживания**, имеющими психосоциальный характер, считаются усложнение социальных и экономических условий жизни, длительная эмоциональная нагрузка, совокупность негативных событий, влияющих на образ жизни человека (так называемый «стрессопланктон» — микротравмы повседневной жизни), жизненные перемены, криминальная обстановка, неопределенность и непрогнозируемость жизненной перспективы, техногенные катастрофы и природные катаклизмы. Одним из значимых факторов психической нагрузки является так называемое пресыщение социальным взаимодействием. Известно, что нормальные дети в большой, пересыщенной социальным взаимодействием группе становятся агрессивными или деструктивными, или же они начинают замыкаться в себе: их социальные контакты не только не расширяются, а, напротив, сужаются. Человеческая психика характеризуется потребностью в социальных контактах, в держании и углублении межличностных отношений, однако одновременно человек нуждается в определенной частной жизни, в уединении. Если происходит значительное превышение количества и интенсивности социальных контактов, то возникает психическая перегрузка.

Наряду с количественным фактором социального взаимодействия для человека важную роль играет также ее качество. В существующих условиях человек в своей трудовой деятельности, а часто и в личной жизни, во время отдыха должен взаимодействовать со множеством людей. Если представить себе, насколько отличаются люди друг от друга по своему характеру, способностям, желаниям активного участия в достижении своих целей, то можно констатировать, что для многих из них такое взаимодействие может быть весьма трудным или они могут затруднять его для других людей. Многочисленные наблюдения показывают, что для оптимального восприятия своей среды и обеспечения конструктивных реакций на нее человеку необходимо сохранять вокруг себя некоторое «личностное пространство» (своеобразную «экологическую нишу» личности), вторжение в которое посторонних людей воспринимается как нагрузка. Притязания на «личностное пространство» зависят от различных обстоятельств и от индивидуальных особенностей человека.

Разработка понятия идентичности, наряду с исследованиями Эриксона, принадлежит также в значительной степени Дж. Миду. Под идентичностью (или «Я») Дж. Г. Мид понимал способность человека воспринимать своё поведение и жизнь как связанное, единое целое и подчёркивал значение когнитивных процессов, особенно рефлексии, позволяющей субъекту в процессе взаимодействия предвосхищать установку партнёра и воспринимать себя с точки зрения партнёра, т.е. осуществлять «принятие роли другого». При этом внимание акцентировалось на выборе репертуаров идентичности и необходимости их подтверждения «другими» в процессах интеракции. Анализируя развитие представлений об идентичности Дж. Г. Мида, Н.Л. Иванова акцентирует внимание на трёх ключевых его утверждениях, которые подчёркивают различные аспекты взаимоотношения между индивидом и обществом: 1) личность есть отражение сущности и значения социальных влияний, поэтому человек реагирует на окружающих в зависимости от индивидуальных значений, которыми он наделяет окружающих; 2) индивидуальные значения являются продуктом социального взаимодействия, поэтому личность определяется социальными условиями; 3) личность понимается как динамический, саморефлексирующий процесс, проявляющийся в диалектике между «Я» и отражением оценок других («Ме» — социальное «Я»), которые образуют единое целое. Таким образом, идентичность рассматривается Дж. Мидом как

феномен, формирующийся в ходе социального взаимодействия. В понимании Дж. Мида идентичность — это способность к целостному восприятию себя и социального мира, поэтому структура идентичности включает в себя не просто единство элементов, а их связи между собой и целым.

Так как идентичность рассматривается Дж. Г. Мидом как некая целостность, то человек, в соответствии с его представлениями, стремится достичь переживания себя как единого целого в гармоничной связи с окружающим миром. Человек вступает в многочисленные социальные связи и исполняет большое количество социальных ролей, которые отражаются в поведении, проявлении эмоций и, соответственно, по-разному влияют на социальное взаимодействие. Социальные роли, включая в себя данные от рождения идентичности, постепенно конструируются в структуру идентичности, которая представляет собой иерархическую последовательность различных интериоризированных ролей. Если же возникает противоречивое воздействие различных социальных групп, то реакцией будет появление соответственно различных идентичностей, что может повлиять на противоречивость поведения и прогнозирования.

Традиционные для современной психологии трактовки личностной идентичности как набора характеристик, отличающих данного человека от других людей, и социальной идентичности как результата осознания своей групповой принадлежности с принятием типичных для этой группы черт предполагает противопоставление этих аспектов идентичности. Идеи о том, что социальная и личностная идентичности не противоречат друг другу, а являются взаимодополняющими элементами идентичности человека, характерны для сторонника теории социальных представлений С. Московичи. Так, У. Дойс отмечает, что личностную идентичность нельзя рассматривать только как набор уникальных характеристик и сводить индивидуальный уровень исключительно к различиям. И различия, и подобию могут быть найдены как на уровне личностной идентичности, так и на уровне социальной. Более того, он предлагает эмпирически обоснованную гипотезу о том, что личностная идентичность может рассматриваться как социальная репрезентация, представляющая собой результат ассимиляции распространенных в обществе представлений о человеческой личности [28].

Наиболее распространенной на сегодняшний день является точка зрения о том, что социальная и личностная идентичности являются взаимодополняющими, а не противоречащими друг другу компонентами идентичности человека. Таким образом, в структуре идентичности сегодня принято выделять два уровня — индивидуальный и социальный. Индивидуальный уровень — это набор персональных характеристик, делающих данного индивида уникальным, социальный уровень связан с идентификацией индивида с нормами и ожиданиями социальной среды, в которую он погружен. Эти два уровня тесно взаимосвязаны, так как представления человека о самом себе возникают в результате формирующего влияния на него общественных установлений. Собственные нормы индивида могут не совпадать с нормами и ролями, которые он принимает в ходе социальных интеракций. Для формирования устойчивой идентичности необходимо достижение определенного баланса индивидуального и социального уровней. В качестве характерного высказывания можно привести замечание Д. Бьюдженталя: «Слишком часто я не могу настроиться на свое внутреннее осознание, потому что предчувствую, что оно может не совпадать с тем, чего ожидает от меня социальное окружение» [4; 31]. В зависимости от основания идентификации можно говорить о различных типах социальной идентичности: профессиональной, этнической, региональной, политической и т.д. [36].

Кризисы идентичности. О кризисах идентичности писали многие авторы. В частности, Н. Дензин говорит об «эпифаниях» — кризисных моментах, «поворотных пунктах» в жизни человека, после которых он становится иным. О сущности и причинах кризисов идентичности подробно повествует статья немецкого исследователя В. Хесле. Он различает «Я-субъект» и «Я-объект» как «Я» (the I) и самость (the Self) и утверждает, что проблема кризиса идентичности сводится к проблеме идентификации

«Я» и самости. У человека присутствует нормативный образ своей самости, т.е. то, какой она должна быть по его представлению. В самость включается наша память. Собственно кризис идентичности возникает, когда «Я» отвергает самость. Признание самому себе в том, что ты не можешь дальше идентифицироваться со своей самостью — важный шаг в преодолении кризиса. Однако, с другой стороны, некоторые люди не способны плодотворно преодолеть кризис идентичности, поэтому в ряде случаев лучше не вмешиваться, не подогревать их внутренний конфликт, иначе это может привести к психологической катастрофе.

Хесле предлагает обзор причин кризисов идентичности. Кризис идентичности может вызываться изменением тела и невозможностью с ним примириться (например, в период полового взросления), потерей памяти (поскольку «Я» многое не помнит о своей самости, нарушается их взаимопонимание), осознанием своей временности и страхом смерти, существованием неверных описательных и нормативных образов своей самости, разочарованием в привычных моральных нормах и прочих идеалах. Самый глубокий и безысходный кризис, отмечает Хесле, происходит, когда человек теряет веру в наличие каких-либо моральных норм и ценностей вообще, ведь в таком случае человек не может даже признать наличие у себя кризиса — так как кризис означает некое отклонение, некую ошибку, а там, где нет никаких норм и абсолютных истин, там не может быть и отклонений с ошибками. Одной из наиболее распространенных причин кризиса является конфликт между «Я» и "социальным" «Я» (Me). То, как я представляю себя, и то, как меня представляют другие, может не совпадать и вызывать у меня неудовлетворенность и вследствие этого — кризис. Также кризис возникает при столкновении с более сильным, более талантливым, великим человеком, если тот попирает принятые ценности и устои. К кризису приводит также разочарование в человеке, которого ты любил и уважал, когда он предаёт тебя.

Хесле утверждает, что преодоление кризисов идентичности является своего рода залогом для прогресса индивидов и институтов (в случае кризисов коллективной идентичности). Однако для здорового преодоления кризиса необходимо не полностью, а лишь частично отрицать свою самость. Формируемая в ходе преодоления кризиса новая идентичность не совершенно новая, полностью отрицающая старую, но своего рода реформированная старая идентичность. Одной из важнейших основ идентичности является наличие круга близких людей, которые всегда будут готовы видеть и узнавать в человеке его «Я», считая его более или менее постоянным, неизменным [39; 44].

Нарушения идентичности. Трудности социально-психологической адаптации, уязвимость в отношении стрессовых событий, оформление и динамика психической патологии при воздействии психических травм — все эти и многие другие нарушения психического благополучия и психического здоровья связывают с утратой идентичности.

В защищенной в 1913 году докторской диссертации «Общая психопатология» К. Ясперс определил идентичность как один из четырех формальных аспектов самосознания. Первый признак — это чувство деятельности — осознание себя в качестве активного существа, второй — сознание собственного единства: в каждый данный момент я сознаю, что я один. Третий — осознание собственной идентичности, что означает: я остаюсь тем, кем был всегда, и все происходящие в моей жизни события происходят именно со мной и ни с кем другим. Четвертый признак — осознание того, что «Я» отлично от всего остального мира. Как пример нарушенного осознания собственной идентичности во времени К. Ясперс приводит виньетки из клинических случаев больных шизофренией, которые утверждают о своей жизни до начала психоза, что это были не они сами, а кто-то другой, что происходившее с ними до начала психоза на самом деле было не с ним, а с кем-то другим.

Психология чрезвычайных ситуаций внесла существенные коррективы в понимание феномена идентичности. Классическая психология рассматривала в качестве спутанной идентичности особую форму болезненного самосознания, которое фиксировало противоречия между самооценкой, образом «Я» автономной личности и

образом «самого себя» в глазах окружающих. При этом подчеркивалось, что тотальное разрушение самооценки резко контрастировало с нарциссическим и снобистским презрением к мнению других. Психология чрезвычайных ситуаций более основательно описала кризис идентичности, распад личности, парадоксальную драматургию этого защитного механизма.

Нарушения идентичности под воздействием травматического стресса.

Н.В. Тарабрина, выделяя характерные для психики последствия травматического стресса, описывает нарушения структуры «самости», когда коренным образом разрушается чувство безопасности индивида, что квалифицируется ею как признак посттравматического стрессового расстройства. Хобфолл (1988) говорит о качественно ином типе реакции на травматический стресс, который заключается в консервации адаптационных ресурсов. Кристел (1978) описывает психический коллапс, «замораживание» аффекта с последующим нарушением его модуляции в качестве основных черт «травматической реакции» на экстремальные воздействия. В этом смысле используются также понятия «диссоциация» и «дезорганизация (аффективная дезорганизация психической деятельности)» [35].

Используемые формулировки предполагают, что в чрезвычайных ситуациях (катастрофа, война) идентичность разрушается. Пережившему этот опыт приходится либо преодолеть свою идентичность с жертвой или «испытать символическое перерождение». Такие философские антропологи, как Б. Бетельхайм, Р. Лифтон, В. Франкл, изучая поведение людей в концлагере, нарушения психики у жертв атомной бомбардировки в Японии, показали, что при всем многообразии выживание направлено на достижение трех целей: 1) чувства органической связности с другими людьми и с миром в целом; 2) достижение целостности своего «Я» и обретение смысла существования; 3) достижение чувства подвижности в пространстве (снятием внутреннего оцепенения, или стасиса) и движение во времени (через преодоление фиксации на «неизгладимом образе», возникающем в момент катастрофы). Каждый выживший обладает каким-то видом «формулировки», сколь бы она ни была неполной или имплицитной. Не иметь никакой «формулировки» в момент встречи со смертью психологически непереносимо. Можно привести свидетельства лиц, переживших нацистский террор, которые подтверждают, что худшим из всего для них была беспричинность убийств и отсутствие в них какого бы то ни было смысла.

В качестве примера нарушений идентичности в структуре психической патологии можно привести диссоциативное расстройство идентичности (также используется диагноз «расстройство множественной личности») — психическое расстройство из группы диссоциативных расстройств, при котором личность человека разделяется, и складывается впечатление, что в теле одного человека существует несколько разных личностей (или, в другой терминологии, эго-состояний). При этом в определённые моменты в человеке происходит «переключение», и одна личность сменяет другую. Эти «личности» могут иметь разный пол, возраст, национальность, темперамент, разные умственные способности, мировоззрение, по-разному реагировать на одни и те же ситуации. После «переключения» активная в данный момент личность не может вспомнить, что происходило, пока была активна другая личность.

Причинами этого расстройства, по данным клинических исследований, служат тяжёлые эмоциональные травмы в раннем детстве, повторяющееся экстремальное физическое, сексуальное или эмоциональное насилие, а также другие психические заболевания. Данное расстройство является крайним проявлением диссоциации — механизма психологической защиты, при котором человек начинает воспринимать происходящее с ним так, будто это происходит с кем-то посторонним. Этот механизм выполняет важную адаптивную функцию, так как позволяет человеку защититься от избыточных, непереносимых эмоций. Диссоциативное расстройство идентичности вызывается совокупностью нескольких факторов: непереносимый стресс, способность к диссоциации (включая способность отделять свои воспоминания, восприятия или идентичность от сознания), проявление защитных механизмов в онтогенезе и

недостаток заботы и участия в отношении ребёнка при травматическом опыте или недостатке защиты от последующего нежелательного опыта в детстве. Дети не рождаются с ощущением унифицированной идентичности, последняя развивается, основываясь на множестве источников и переживаний. В критических ситуациях детское развитие встречает препятствия, и многие части того, что должно было быть интегрировано в относительно унифицированную идентичность, остаются сегрегированными. Североамериканские исследования показывают, что 97—98% взрослых с диссоциативным расстройством идентичности описывают ситуации насилия в детстве, и что факт насилия может быть задокументирован у 85% взрослых и у 95% детей и подростков с расстройством множественной личности и другими сходными формами диссоциативного расстройства. Эти данные указывают на то, что насилие в детстве выступает в роли главной причины расстройства среди североамериканских пациентов, тогда как в других культурах большую роль могут играть последствия войны или природной катастрофы. Некоторые пациенты могли не испытывать случаев насилия, но пережить раннюю потерю (например, смерть родителя), серьёзную болезнь или другое крайне стрессовое событие.

Развитие требует от ребёнка способности успешно интегрировать различные виды комплексной информации. В онтогенезе человек проходит ряд стадий развития, в каждой из которых могут быть созданы различные личности. Способность генерировать множественные личности наблюдается или проявляется не у каждого ребёнка, претерпевшего насилие, потерю или травму. Пациенты с диссоциативным расстройством идентичности обладают способностью легко входить в трансные состояния. Такая способность в соотношении со способностью диссоциироваться, как считается, выступает в качестве фактора для развития расстройства. При этом большинство детей, обладающих этими способностями, также имеют нормальные адаптивные механизмы и не находятся в таком окружении, которое может вызвать диссоциацию.

Классики социологии и психологии трактуют социальную идентичность с позиций освоения индивидом ценностей и норм в относительно стабильном социуме. Социальные идентификации в этом случае подвержены прямому воздействию определенной нормативной, институциональной системы (процессам социального расслоения и др.). В современных, высоко динамичных обществах, которые становятся подструктурами глобальной миросистемы, упомянутые детерминанты социальной идентификации, конечно, сохраняются. Вместе с тем, их воздействие утрачивает свойства стабильно структурированной системы, как утрачивают прежнюю определенность образы социального пространства. Люди оказываются в ситуации непростого поиска ответов на вопросы «Кто я?», «Кто мы?» и «Кто они?» [11]. Многолетние исследования, отмечают авторы, свидетельствуют об изменчивости социальных идентификаций. Определенная стабильность идентификаций наблюдается лишь в одном «звене» — в кругу близких людей. Главными ресурсами выживания остаются персональные сети взаимодействия, поскольку только знакомые и близкие вызывают доверие и чувство защищенности. Устойчивость идентификаций с самыми близкими характерна как для россиян, так и для народов передовых стран Запада. Активность в обустройстве личной жизни, ориентация на частную жизнь в наше время отличает развитые общества, в которых все неустойчиво, нестабильно. Именно таков ведущий лейтмотив современного концептуального осмысления мира. Концепции позднего модерна (high modernity) Э. Гидденса или цивилизации повышенных рисков У. Бека, как и работы постмодернистов (например, З. Баумана), акцентируют общий рост тревожности из-за нестабильности положения людей, незащищенности их от разного рода бедствий, недоверия к официальным государственным институтам, неуверенности в будущем и т.п. Что касается нашей страны, то О. Яницкий вполне убедительно показывает, что она представляет собой «общество риска».

При стабилизации социального самоопределения в кругу близких, вызывающих доверие и чувство защищенности, все иные идентификации — те, что связаны с большими социальными общностями, — нестабильны. Как следует из данных

мониторинга социальных идентификаций россиян, который ведется Центром исследований социальной трансформации Института социологии РАН с 1992 г. (последнее исследование — 2002 г.), российские граждане постепенно адаптируются к реальному состоянию общества и условиям повседневной жизни. Заметный сдвиг произошел в период в 1998—2002 гг. На вопрос «Кто я?» в 1998 г. (опрос проводился до августовского финансового кризиса) 38% из 1600 респондентов отвечали: «Я — жертва реформ». Сегодня таких ответов — 27%. Растет и доля определяющих себя как «успешных»: в 1998 г. — 69%, в 2002 г. — 76%. Одновременно уменьшился процент относящих себя к бедным — с 39% до 25%. Правда, число считающих себя обеспеченными практически не изменилось.

Обнаружилась крайне важная тенденция роста психологической интернальности личности — готовности отвечать за себя, принимать на себя ответственность, не надеясь ни на власти, ни на других людей. В 1998 г. половина россиян «принимала судьбу, какова бы она ни была», сейчас таких 46%, а доля тех, кто «не ждет манны небесной и сам делает свою судьбу», повысилась с 60% в 1993 г. до 75%. Но главное — в начале 1990-х годов около 70% опрошиваемых соотносили себя с «людьми без будущего», сегодня же — всего 14%. Человек начинает смотреть в будущее более уверенно, планировать свою жизнь, привыкая к условиям существования в социальной «страте», с которой он себя отождествляет [Там же].

Литература

1. Абросимова К.А. Анализ сущности понятия «гражданская идентичность» // Сборники конференций НИЦ Социосфера. – 2014. – № 5. – С. 42–45.
2. Андреева Г.М. Социальная психология: учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности "Психология". – 2-е издание, дополненное и переработанное. – М.: Моск. гос. университет, 1988. – 432 с.
3. Антонова Н.В. Проблема личностной идентификации в интерпретации современного психоанализа, интеракционизма и когнитивной психологии // Вопросы психологии. – 1996. – № 1. – С. 131–143.
4. Баразгова Е.С. Американская социология: Традиции и современность: курс лекций. – Екатеринбург: Деловая книга, 1997. – С. 76.
5. Большой психологический словарь / под ред. Б.Г. Мещерякова, В.П. Зинченко. – 4-е изд., расшир. – СПб.; М.: АСТ; АСТ-Москва; Прайм-Еврознак. – 2009. – 816 с.
6. Буханцова А.В. Гражданская идентичность как элемент гражданской общности // Многообразие политических процессов и варианты их анализа: темат. сб. научных трудов / отв. ред. С.В. Кущенко. – Новосибирск: Новосиб. гос. тех. университет, 2014. – Ч. 1. – С. 36–41.
7. Буханцова А.В., Кущенко С.В. Гражданская идентичность как ресурс консолидации общества // Идеи и идеалы. – 2015. – Т. 2, № 2(24). – С. 112–117.
8. Водолажская Т.В. Идентичность гражданская // Образовательная политика. – 2010. – № 5–6. – С. 140–141.
9. Гозман Л.Я. Психология эмоциональных отношений. – М.: Моск. гос. университет, 1987. – 175 с.
10. Григорьев Д.В. Формирование гражданской идентичности современного школьника // Интернет-конференция «Перспектива гражданско-патриотического воспитания в системе образования» [Электронный ресурс]. – URL: <http://proektpatriot2.jimdo.com/гражданская-идентичность/> (дата обращения: 18.10.2013).
11. Данилова Е.Н., Ядов В.А. Нестабильная социальная идентичность как норма современных обществ // Социологические исследования. – 2004. – № 10. – С. 27–30.
12. Дудченко О.Н., Мытиль А.В. Социальная идентификация и адаптация личности // Социологические исследования. – 1995. – № 6. – С. 110–119.

13. Джонстон Р.Дж. География и географы: Очерк развития англо-американской социальной географии после 1945 года / пер. с англ. – М.: Прогресс, 1987. – 368 с.
14. Дробижева Л.М. Российская идентичность в массовом сознании // Вестник российской нации. – 2009. – № 1(3). – С. 135–144.
15. Заковоротная М.В. Идентичность человека. Социально-философские аспекты. – Ростов-на-Дону: СКНЦ ВШ. – 1999. – 200 с.
16. Иванова В.В. Общие вопросы самосознания личности. – М., 1999. – 312 с.
17. Иванова Н.Л. Социальная идентичность и проблемы образования: монография. Ярославль: Яр. гос. пед. университет, 2001. – 228 с.
18. Иванова Н.Л. Психологическая структура социальной идентичности: дис. ... док. психол. наук. – Ярославль, 2003. – 409 с.
19. Иванова Н.Л., Мазилова Г.Б. Изменения этнической и гражданской идентичности в новых общественных условиях // Вопросы психологии. – 2008. – № 2. – С. 83–93.
20. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ. – М.: Выс. школа экономики, 2000. – 608 с.
21. Козловски П. Культура постмодерна / пер. с нем. – М.: Республика, 1997. – С. 107.
22. Кон И.О. В поисках себя: Личность и ее самосознание. – М.: Политиздат, 1984. – 336 с.
23. Картунов С.В. Становление национальной идентичности. Какая Россия нужна миру. – М.: Аспект Пресс, 2009. – 376 с.
24. Магомед-Эминов М.Ш. Трансформация личности. – М.: Психоаналитическая ассоциация, 1998. – С. 119.
25. Мерлин В.С. Структура личности: характер, способности, самосознание. – Пермь: Перм. гос. пед. институт, 1990. – 110 с.
26. Мухина В.С. Феноменология развития и бытия личности. – М.: Моск. психол.-соц. институт; Воронеж: МОДЭК, 1999. – С. 178–186.
27. Олпорт Г. Становление личности. – М.: Смысл, 2002. – 462 с.
28. Павленко В.Н. Представления о соотношении социальной и личностной идентичности в современной западной психологии // Вопросы психологии. – 2000. – № 1. – С. 135–142.
29. Пантिलеев С.Р. Самоотношение как эмоционально-оценочная система. – М.: Моск. гос. университет, 1991. – 100 с.
30. Роджерс К. Взгляд на психотерапию. Становление человека. – М.: Прогресс, 1994. – 480 с.
31. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. – СПб.: Питер, 2007. – 720 с.
32. Сарджвеладзе Н.И. Личность и ее взаимодействие с социальной средой. – Тбилиси: Мецниереба, 1989. – 206 с.
33. Сафин В.Ф. Устойчивость самооценки и механизмы ее сохранения // Вопросы психологии. – 1975. – № 3. – С. 62–73.
34. Столин В.В. Самосознание личности. – М.: Моск. гос. университет, 1983. – 288 с.
35. Тарабрина Н.В. Практикум по психологии посттравматического стресса. – СПб.: Питер, 2001. – 272 с.
36. Труфанова Е.О. Идентичность и Я // Вопросы философии. – 2008. – № 6. – С. 95–105.
37. Формирование социальной идентичности личности в современном обществе / И.С. Бакланов, О.А. Бакланова, А.М. Ерохин [и др.] // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 5 [Электронный ресурс]. – URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=14677> (дата обращения: 11.12.2017).
38. Хараш А.У. Личность в общении // Общение и оптимизация совместной деятельности / под ред. Г.М. Андреевой, Я. Яноушека. – М.: Моск. гос. университет, 1987. – С. 30–31.

39. Хесле В. Кризис индивидуальной и коллективной идентичности // Вопросы философии. – 1994. – № 10. – С. 112–123.
40. Шикова Р.Ю. Гражданская идентичность молодежи в современной России // Трансформация публичной сферы и сравнительный анализ новых феноменов политики: сб. науч. ст. – Краснодар: Куб. гос. университет, 2010. – С. 91–97.
41. Шнейдер Л.Б. Профессиональная идентичность: Структура, генезис и условия становления: дис. ... канд. психол. наук. – Москва, 2001. – 321 с.
42. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис / пер. с англ. – М.: Прогресс, 1996. – 352 с.
43. Юшин М.А. Политические механизмы формирования гражданской идентичности молодежи в современной России: дис. ... канд. политол. наук. – Тула, 2007. – 189 с.
44. Denzin N.K. Interpretive Interactionism. – Newbury Park, CA: Sage Publications, Inc., 1989. – 187 p.
45. Toffler A. The Third Wave. – N.Y.: William Morrow and Company, Inc., 1980. – P. 366.
46. Touraine A. Production de la société. – Paris: Seuil, 1973. – P. 360.

Identity as a resource of survival

Solovieva S.L.¹

E-mail: S-Solovieva@ya.ru

¹ North-Western State Medical University named after I.I. Mechnikov
41 Kirochnaya str., Saint-Petersburg, 191015, Russia
Phone: +7 (812) 543-39-90

Abstract. The article is devoted to the study of views on the human identity phenomenon in the history of science, on psychological techniques of the preservation of identity under the influence of social stresses, age crises and microtraumas of everyday life. Identity is expressed through the sense of mental adequacy and the possession of their own self by a person regardless of the situation; through a person's ability to solve problems that appear at every stage of their development effectively. In this regard, the main function of identity consists of providing adaptation to a new social setting, preserving determinacy and integrity. The term "identity" is of integrative nature; it unites individual and social beginnings and represents a phenomenon, which comes from dialectical interconnection between society and an individual and characterizes the quality of this interconnection. A person becomes a part of multiple social connections and performs many social roles, which are reflected in behavior and expression of emotions and can influence social interactions in different ways. Social roles include formed identities and gradually organize a structure of integral identity, which represents a hierarchical sequence of different interiorized roles. Identity as a mental phenomenon translates ratio-ideological and institutional forms of setting order into everyday language and vice versa: represents a reflection of behavior of subjects whose being within those forms is determined. The preservation of identity suggests an ability for emotional resonance with other people with relative impenetrability of personal boundaries. During particular periods in life, partial identification with "significant people" is important for successful integration into social processes; however, dissolution of one's own self in others degrades an identity and creates conditions for mental disorders. Identity crises and the consequences of overcoming failures are discussed. Identity disorders are found in such pathopsychological and psychopathological symptoms as apathy, anguish, malice, estrangement, anxiety, helplessness, and hopelessness. The views on "diffusional identity" as a prerequisite for a wider spectrum of mental disorders are formed. The experience of overcoming extreme living conditions is discussed: wars, stay in concentration camps, imprisonment, torture, violence. The data on consequences of identity disorders for the integral mental activity of mental health facility patients are presented. The main adaptation resources are personal interaction networks as only close relatives evoke trust and sense of security, which allow the patient to preserve identity in different social situations. The view on identity as a resource of survival is supported.

Key words: identity; preservation of identity; identity disorders; social adaptation.

For citation

Solovieva S.L. Identity as a resource of survival. *Med. psihol. Ross.*, 2018, vol. 10, no. 1, p. 5. doi: 10.24411/2219-8245-2018-11050 [in Russian, abstract in English].